

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.5.5>

УДК 902.3

ББК 63.4(2)

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РАННЕСАРМАТСКОГО ОБЩЕСТВА НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ¹

Валерий Михайлович Клепиков

Кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, зарубежной истории и туризма,
Волгоградский государственный университет
valery.klepikov@volsu.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье проанализированы основные проблемы возможностей социальной реконструкции раннесарматского общества по данным погребального обряда. Отмечена специфика кургана-кладбища как некрополя для погребения кланового сообщества. Сделан вывод, что родовые коллективы, участвовавшие в ритуале, были относительно невелики. Выделены маркеры для определения разных социальных групп, в том числе отнесенных к высшему статусу и дружинной аристократии. Большинство рядового населения определено как масса свободных общинников. Сделан вывод об уровне социальной иерархии, присущей социуму на стадии сложного вожества.

Ключевые слова: ранний железный век, номады, раннесарматская культура, Нижнее Поволжье, социальная стратификация, клановое кладбище, дружинная аристократия, рядовые общинники.

Общая характеристика социальной структуры номадов благодаря как прежним этнологическим работам, так и исследованиям последнего времени (см.: [1; 5; 8–11; 14] и др.), становится основой для серьезных социальных реконструкций. Однако социальная структура и социальная организация номадов раннесарматского времени (IV–I вв. до н. э.) до настоящего времени не были предметом специального исследования, что вполне объяснимо. Свидетельства письменных источников скудны и вынуждают опираться на чисто археологические материалы с усиленным привлечением этнографических параллелей, а в последнее время и антропологических данных, при том что сама методика весьма несовершенна [3].

При этом возможности полноценного социального анализа на раннесарматском мате-

риале ограничиваются целым спектром трудностей. Курганы-кладбища с весьма однородным сопутствующим инвентарем, наличие разных типов ям в единой планиграфии и стандартный погребальный обряд позволяют с равными шансами на успех предлагать разные социологические модели. К тому же в процессе развития, подпитываясь миграционными волнами с востока, раннесарматская археологическая культура Нижнего Поволжья как минимум трижды менялась. Эти изменения фиксируются исследователями археологическими методами. В результате период IV – начала III в. до н. э. отличается от периода III – середины II в. до н. э., а во II–I вв. до н. э. миграционный импульс явно свидетельствует о наличии восточноазиатских номадов [7, с. 47–81].

Тем не менее сохранение на всем протяжении раннесарматской археологической

культуры с IV в. до н. э. по рубеж эр единого погребального обряда в виде курганов-кладбищ с концентрическим либо параллельным расположением могил в отличие от предыдущей и последующих культур позволяет предполагать сохранение единства не только религиозно-мифологического, отраженного в погребальном обряде, но и социального.

Само наличие кургана-кладбища позволяет анализировать мировоззренческую основу этого явления. По мнению И.В. Сергацкова, «ранние сарматы, формируя курган-кладбище, моделировали социум, а средние сарматы, возводя индивидуальную насыпь, воспроизводили космос» [13, с. 43]. Его интерпретацию поддержал С.А. Яценко [15]. Мне уже приходилось высказывать мнение, что курганы-кладбища были обычно не родовыми, а клановыми, включавшими в себя несколько линиджей, а формы впускных погребальных захоронений, как и относительное их расположение, могли маркировать разные статусы и родовые связи, включая «фиктивные» [6, с. 129–132].

Статистическое накопление материала, подкрепленное половозрастными определениями, позволяет с иной позиции обратиться к этой проблеме. В связи с господством впускных захоронений представляется нецелесообразным оценивать размеры насыпи с позиции трудозатрат, поскольку для формирования кладбища зачастую выбирались уже готовые насыпи. Из 148 курганов, взятых для исследования, лишь 17 имело в основе раннесарматское погребение. Из них высоту менее 0,5 м имело большинство насыпей, от 0,5 до 1 м – 6 насыпей, и лишь дважды насыпь имела высоту около полутора метров. Их диаметры не выходят за пределы 20 м, лишь изредка достигая 30 м, но учитывая распахку, следует корректировать и эти значения. Заметим, что выбирая уже существующие насыпи, сооруженные в предыдущие эпохи, ранние сарматы зачастую отдавали предпочтение крупным сооружениям: от 1,5 до 2 м и выше. Иными словами, треть выбранных для родовых кладбищ древних насыпей представляло собой весьма солидные сооружения, вплоть до 4,2 м высотой (Барановка, кург. 10). Таким образом, если сарматы сами сооружали курган, он обычно был невелик, если выбирали

готовую насыпь, то ценили большую насыпь. Из этого мы можем сделать вывод, что собственно родовой коллектив, участвовавший в погребальном ритуале, был относительно невелик и не способен самостоятельно сооружать большие насыпи.

Из этнографии мы знаем, что семейно-родовые группы (микролиниджи, кланы) состояли из близкородственных семей, которые весь год или большую его часть кочевали вместе и оказывали друг другу взаимопомощь и взаимоподдержку, ведя раздельное хозяйство и раздельно владея скотом. При этом производственная помощь и кооперация шла по соседской линии, а социальная, включая брачный выкуп, кровную месть, и, видимо, погребальные ритуалы – по родственной [14, с. 238]. Вероятно, эти семейно-родственные группы, возможно, включая и лиц, кочующих в различных общинах, занимались погребением.

Из 519 костяков половые определения получены для 167 мужчин, 153 женщин и 164 ребенка, включая подростков, что позволяет говорить о демографическом равновесии и предположить возможность использования кладбищ всем родовым коллективом.

Маркеры для определения разных социальных групп немногочисленны [4, с. 19]. При относительном стандарте погребального инвентаря явно выделяются немногочисленные комплексы, в которых присутствуют золотые украшения, импортная посуда, парадное оружие, бронзовые котлы.

Погребений такого статуса немного, всего 10: Барановка, кург. 10, погр. 9, костяк 1; Белокаменка, 1987, кург. 6, погр. 5; Белокаменка II, 1988, кург. 7, погр. 3, костяк 1; Быково, кург. 2, погр. 3; Верхнее Погромное, 1957, кург. 7, погр. 6; Жутово, кург. 27, погр. 4; Короли, кург. 4, погр. 1; Майеровский III, кург. 4, погр. 1Б; Писаревка II, кург. 6, погр. 2; Раздолье, кург. 2, погр. 3.

Заметим, что они располагаются как в центре, так и на периферии кургана, что, возможно, свидетельствует о защите от ограблений. Ямы представлены всеми основными формами. Присутствуют как одиночные захоронения, так и коллективные. Обращает на себя внимание следующая любопытная особенность – ни в одном погребении не было

ритуальных веществ, связанных с цветом. Отмечены три женщины высшего ранга, причем в индивидуальной могиле только одна зрелая женщина (Белокаменка, 6/5), а две молодые в сопровождении мужчин (Майеровский, 4/16 и Белокаменка, 7/3). При этом погребенная в кургане Майеровский выглядит как фигура с более высоким статусом, нежели мужчина, похороненный с котлом, но без единого золотого предмета. Возможно, по наличию двух мечей и кинжала, он выступает своего рода охраной и сопровождающим верховной правительницы. Все бронзовые котлы (4 экз.) найдены в этих богатых комплексах. Еще одно наблюдение: почти все погребения датируются концом II – I вв. до н. э., то есть периодом активного участия ранних сарматов в политической жизни античных и кубанских центров цивилизации. Исключение составляет погребение воина с золотым браслетом III–II вв. до нашей эры (Быково, 2/3). Возможно, это единственное золотое украшение не имеет отношения к высшему статусу, и он скорее может быть помещен в следующий ранг – дружинников.

Хорошо известно, что управленческие и организационные потребности, вызывающие к жизни руководящий слой и формирующие социальное неравенство в кочевом обществе, возникают при необходимости подчинения одних групп другими, либо в условиях взаимоотношений с земледельческо-городским населением. Высокие социальные позиции становятся гарантом имущественных различий, находящих свое отражение в погребальной обрядности. Власть в потестарном обществе опирается не только на авторитет вождя, но и на дружину, как военно-элитную прослойку общества.

Эта группа выделяется набором вооружения в виде длинного и короткого мечей с обязательным колчаном. Таких воинов – 22 костяка. Если из этого числа убрать высшую элиту с престижными вещами, остается 17 дружинников-мужчин всех возрастов от молодого до пожилого. Кроме указанного набора вооружения в погребениях изредка встречаются топоры, наконечники копий и чешуйки железных панцирей. В одном случае найдено три меча – длинный и два коротких (Александровка, кург. 1, погр. 1), еще в одном

даже четыре клинка – два длинных, два коротких (Верхнепогромное, кург. 1, погр. 13). Судя по тому, что такие дружинные наборы появляются на Нижней Волге гораздо раньше «элитных», возможно и сами племенные вожди выросли из этой среды, тем более что остальной инвентарь, включая импортную керамику, мало чем отличается от социальной страты, описанной выше. В этой среде при совершении ритуала уже используются цветочные символы в виде реалгара, серы, ярозита, мела.

Представление о большинстве рядового населения как о массе свободных общинников, в случае необходимости превращающихся в народ-войско, подтверждается широким распространением обычая ношения короткого меча. Важно подчеркнуть, что в этом случае обнаруживаются не только мужчины, но и молодые женщины, и дети, у которых встречаются стрелы, положенные пучком. Оружие в женских погребениях свидетельствует о том, что женщины (это хорошо известно по этнографическим данным) в случае необходимости выполняли и воинскую роль. При этом любопытна сама видовая дифференциация оружия по возрастам. Единичен такой признак, как положение меча (кинжала) в женское погребение, в отличие от мужских, где эта практика традиционна. Но отдельные наконечники и целые колчаные наборы встречаются относительно часто. В то же время меньшее число женских погребений явно демонстрирует специфическое отношение к воинскому статусу: мечи в сопровождении колчана, либо колчан с несколькими десятками стрел встречены только у молодых женщин. У женщин зрелого и пожилого возраста наконечники стрел если и встречаются, то лишь единичными экземплярами. Определяя статус этих погребений, видимо, сразу следует отказаться от интерпретации их как девушек, находившихся в процессе прохождения обряда возрастной инициации. Их вполне зрелый возраст (20–35 лет), и захоронения с ребенком в нескольких случаях не позволяют опереться на хрестоматийное свидетельство псевдо-Гиппократов о том, что савроматские девушки «...замуж не выходят, пока не убьют трех неприятелей...» [12]. К тому же эта легендарная история не имеет ни одного

этнографического подтверждения. Если юношеские инициации призваны включить молодого человека в социум прежде всего как воина, то обряды посвящения девушки во всех известных случаях связаны с ее половой ролью женщины, жены и матери [2]. Видеть в таких погребениях некую социальную страту женщин-воительниц тоже не приходится – слишком невелико их количество. В то же время участие женщин вместе с мужьями и самостоятельно в нападениях, набегах, обороне и охоте совсем не редкость. Поэтому кажется вполне вероятным, что отдельные женщины, видимо, замужние, известные в обществе своими военными успехами, могли быть отмечены при погребении оружием в присутствующем инвентаре погребения.

Оружие в детских погребениях встречается довольно редко, но, тем не менее, в четырех случаях найдены мечи, в семи – наконечники стрел и, что особенно любопытно – комплект из меча и стрел, видимо, маркирующий определенный социальный статус.

Известно, что в обществах эгалитарных преобладают возрастные символы, тогда как в иерархических социумах высокий статус может распространяться на всех членов семьи независимо от возраста [1, с. 22–23]. В нашем случае совпадение основных черт обряда, включая номенклатуру и расположение сопутствующего инвентаря вне зависимости от пола и возраста (в частности, оружие, гривна, браслеты, перстни у детей), может свидетельствовать о высоком уровне социальной иерархии.

Таким образом, мы можем констатировать определенные социальные черты, отразившиеся в погребальном обряде раннесарматской археологической культуры. Курган-кладбище, скорее всего, представляет собой некрополь клана, состоящего из нескольких семейно-родовых групп (линиджей), объединенных как реальным, так и фиктивным родством. Археологическим отражением этих связей может служить наличие различных погребальных сооружений (простых прямоугольных ям, прямоугольных ям с заплечиками, подбоев и катакомб) при общей планиграфии, традиции положения покойника и стандартном наборе инвентаря. Вероятно, сами погребальные процедуры производились относительно небольшим кровнородственным коллективом.

Социальная стратификация может быть определена в традиционных дифинициях наличия родоплеменной элиты, выделяющейся размерами могильных сооружений и относительным богатством инвентаря с наличием социально престижных предметов. Процесс оформления этой страты значительно ускорился на финальной стадии раннесарматской археологической культуры в условиях активизации контактов с античным миром и новой миграционной волной с востока.

Явно проявилась вторая престижная группа, которую можно определить как дружинную страту, маркирующуюся наличием нескольких мечей, колчана, иногда – копий, топоров и защитного доспеха.

Третья наиболее многочисленная группа – основная масса общинного свободного населения, мужская составляющая которого была неотъемлемой частью воинского ополчения, так называемого «народа-войска». Об этом говорит наличие короткого меча как распространенного сопутствующего элемента в погребениях рядовых мужских погребений.

Низовой ячейкой традиционного кочевого общества была малая семья, зачастую хоронившая своих членов в камерах для коллективного захоронения. Близкородственные связи проявились и в наличии нескольких подбойно-катакомбных камер в стенках общей входной ямы.

Родовые отношения носили патриархальный характер, о чем свидетельствует господство мужских погребений в центральной, наиболее престижной зоне курганного пространства. В то же время статус женщины был достаточно высок. Наличие богатого инвентаря, примеры обнаружения воинского набора (мечи, колчаны), фиксация нескольких курганов только с женскими и детскими костями не позволяет говорить о некоем приниженном положении женщин, но и не свидетельствуют о гинекократии.

Отражением иерархичного характера раннесарматского социума может служить наличие оружия и ценных украшений у детей, маркирующих их не по возрастному классу, а по принадлежности к определенной страте.

Все это позволяет говорить о раннесарматском населении как о кочевом социуме на стадии сложного вожества.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14-11-34002 а (р).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берсеньева, Н. А. Погребальные памятники саргатской культуры Среднего Прииртышья: гендерный анализ / Н. А. Берсеньева // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 3 (43). – С. 74–83.

2. Богаченко, Т. В. Проблема интерпретации погребений «женщин с оружием» и обряды инициации / Т. В. Богаченко // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Вып. 21. – Азов : Азовский музей-заповедник, 2006. – С. 247–259.

3. Вдовченков, Е. В. Историография социальных исследований сарматов / Е. В. Вдовченков // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2011. – № 5. – С. 47–57.

4. Гороховский, Е. Л. Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. до н. э. Лесного Поднепровья и Побужья : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Гороховский Е. Л. – Киев, 1989. – 26 с.

5. Гуляев, В. И. Погребальные памятники и погребальная обрядность: проблемы анализа и интерпретации / В. И. Гуляев, В. С. Ольховский // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений : сб. ст. – М. : Вост. лит., 1999. – 248 с.

6. Клепиков, В. М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н. э. / В. М. Клепиков. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2002. – 216 с.

7. Клепиков, В. М. Хронология раннесарматских памятников Нижнего Поволжья / В. М. Клепиков, А. С. Скрипкин // Нижневолжский археологический вестник. – 2002. – Вып. 5. – С. 47–81.

8. Крадин, Н. Н. Кочевники Евразии / Н. Н. Крадин. – Алматы : Дайк-Пресс, 2007. – 416 с.

9. Куббель, Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии / Л. Е. Куббель. – М. : Наука, 1988. – 271 с.

10. Марков, Г. А. Кочевники Азии / Г. А. Марков. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 319 с.

11. Першиц, А. И. Война и мир: кочевые скотоводы / А. И. Першиц, Ю. И. Семенов, В. А. Шнирельман // Война и мир в ранней истории человечества. – М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1994. – Т. 1–2. – С. 129–245.

12. Псевдо-Гиппократ, 24 // Вестник древней истории. – 1947. – № 2. – С. 295–296.

13. Сергацков, И. В. Проблема становления среднесарматской культуры / И. В. Сергацков

// Раннесарматская и среднесарматская культуры: проблемы соотношения : материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. – Вып. I. – Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2006. – С. 37–58.

14. Хазанов, А. М. Кочевники и внешний мир / А. М. Хазанов. – Алматы : Дайк-Пресс, 2002. – 604 с.

15. Яценко, С. А. К дискуссии о механизмах формирования среднесарматской археологической культуры / С. А. Яценко // Раннесарматская и среднесарматская культуры: проблемы соотношения : материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. – Вып. I. – Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2006. – С. 118–129.

REFERENCES

1. Bersenyeva N. A. Pogrebalnye pamyatniki sarmatskoy kultury Srednego Priirtyshya: gendernyy analiz [Burial Monuments of Sarmatian Culture in the Middle Irtysh Region: a Gender Analysis]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 2010, no. 3 (43), pp. 74–83.

2. Bogachenko T.V. Problema interpretatsii pogrebeniy “zhenshchin s oruzhiem” i obryady initsiatsii [The problem of Interpretation of the Burials of “Women With Weapons” and the Rites of Initiation]. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2004 g. Vyp. 21* [Historical and Archeological Investigations in Azov and the Lower Don in 2004. Iss. 21]. Azov, Azovskiy muzey-zapovednik, 2006, pp. 247–259.

3. Vdovchenkov E.V. Istoriografiya sotsialnykh issledovaniy sarmatov [Historiography of Social Studies of the Sarmatians]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki*, 2011, no. 5, pp. 47–57.

4. Gorokhovskiy E.L. *Khronologiya yuvelirnykh izdeliy pervoy poloviny I tys. do n. e. Lesnogo Podneprovya i Pobuzhya: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Chronology of Jewelry in the First Half of the 1st Millennium B.C. in Forest Dnieper and Bug. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Kiev, 1989. 26 p.

5. Gulyaev V.I., Olkhovskiy V.S. Pogrebalnye pamyatniki i pogrebalnaya obryadnost: problemy analiza i interpretatsii [Burial Monuments and Funeral Rituals: Problems of Analysis and Interpretation]. *Pogrebalnyy obryad: rekonstruktsiya i interpretatsiya drevnikh ideologicheskikh predstavleniy: sbornik statey* [Funeral Rite: the Reconstruction and Interpretation of Ancient Ideological Views. Collected articles]. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 1999. 248 p.

6. Klepikov V.M. *Sarmaty Nizhnego Povolzhya v IV-III vv. do n. e.* [Sarmatians of the Lower Volga

Region in the 4th-3rd Centuries B.C.]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2002. 216 p.

7. Klepikov V.M., Skripkin A.S. Khronologiya rannesarmatskikh pamyatnikov Nizhnego Povolzhya [The Chronology of the Early Sarmatian Monuments in the Lower Volga Region]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik*, 2002, iss. 5, pp. 47-81.

8. Kradin N.N. *Kochevniki Evrazii* [Nomads of Eurasia]. Almaty, Dayk-Press Publ., 2007. 416 p.

9. Kubbel L.E. *Ocherki potestarno-politicheskoy etnografii* [Essays on Potestary-Political Ethnography]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 271 p.

10. Markov G.A. *Kochevniki Azii* [The Nomads of Asia]. Moscow, Izd-vo MGU, 1976. 319 p.

11. Pershits A.I., Semenov Yu.I., Shnirelman V.A. *Voyna i mir: kochevye skotovody. Voyna i mir v ranney istorii chelovechestva* [War and Peace: Nomadic Cattle Breeders. War and Peace in the Early History of Mankind]. Moscow, In-t etnologii i antropologii RAN, 1994, vol. 1-2, pp. 129-245.

12. Pseudo-Hippocrates, 24. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], 1947, no. 2, pp. 295-296.

13. Sergatskov I.V. Problema stanovleniya srednesarmatskoy kultury [The Problem of Formation of Middle Sarmatian Culture]. *Rannesarmatskaya i srednesarmatskaya kultury: problemy sootnosheniya: materialy seminara Tsentra izucheniya istorii i kultury sarmatov. Vyp. I* [Early Sarmatian and Middle Sarmatian Cultures: Problems of Correlation. Materials of Seminar of the Center for Studying Sarmatian History and Culture. Iss. 1]. Volgograd, Volgogradskoe nauchnoe izd-vo, 2006, pp. 37-58.

14. Khazanov A.M. *Kochevniki i vneshniy mir* [Nomads and the Outside World]. Almaty, Dayk-Press Publ., 2002. 604 p.

15. Yatsenko S.A. K diskussii o mekhanizmkh formirovaniya srednesarmatskoy arkheologicheskoy kultury [To the Discussion About the Mechanisms of Creating the Middle Sarmatian Archaeological Culture]. *Rannesarmatskaya i srednesarmatskaya kultury: problemy sootnosheniya: materialy seminara Tsentra izucheniya istorii i kultury sarmatov. Vyp. I* [Early Sarmatian and Middle Sarmatian Cultures: Problems of Correlation. Materials of Seminar of the Center for Studying Sarmatian History and Culture. Iss. 1]. Volgograd, Volgogradskoe nauchnoe izd-vo, 2006, pp. 118-129.

THE POSSIBILITIES OF SOCIAL INTERPRETATION OF EARLY SARMATIAN SOCIETY IN THE LOWER VOLGA REGION

Valeriy Mikhaylovich Klepikov

Candidate of Sciences (History),

Associate Professor, Department of Archaeology, Foreign History and Tourism,

Volgograd State University

valery.klepikov@volsu.ru

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. This article contains analysis of the main problems concerning social reconstruction opportunities of Early Sarmatian society according to the funeral rite. The evidence of written sources is scarce and forced to rely on just archaeological materials involving ethnographic parallels and anthropological data.

The mound-specificity of the cemetery was revealed as a cemetery for the burial of the clan community. The archaeological reflection of these relations may be the presence of various burial structures (simple rectangular pits, rectangular shouldered pits, cuttings and the catacombs) in the framework of total planigraphy, the tradition of the position of a decedent's body and a standard set of tools. It was concluded that the tribal groups that participated in the rituals were relatively small, because, when the Sarmatians themselves built the mound, it was usually little-sized, if they chose a ready mound, a large mound was appreciated. There were some identifiers of different social groups, including those related to higher status and retinue aristocracy. The first group includes gold, jewelry, imported utensils, ceremonial weapons, bronze caldrons. The second group stands out for a set of weapons in the form of long and short swords with the obligatory quiver. Most of the ordinary population is defined as the mass of freemen, that in case of any necessity, could turn into warriors. Not only men but also young women, and even children are sometimes found with a quiver of arrows and a sword.

Female warriors should not be treated as a separate social stratum because of their fewness. At the same time, women's participation with their husbands and themselves in attacks, raids, defense and hunting were quite common. Therefore, some women, known in society for their military success, could be observed at the burial of weapons in the accompanying inventory of the burial. The lowest cell of the traditional nomadic society was a small family, who buried their members in the chambers for collective burials. We can make conclusion about the level of the social hierarchy inherent in the society at the stage of a complex chiefdom.

Key words: Early Iron Age, Nomads, Early Sarmatian culture, Lower Volga region, social stratification, clan cemetery, squad aristocracy, unranked commoner.